

МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ МГУ
им. М.В. Ломоносова
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

С.П. ГЛИНКИНА

**К вопросу о разнообразии моделей капитализма,
или Что мы построили в результате трансформации**

МОСКВА – 2016

Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016 – 25 с.

ISBN 978-5-9940-0569-9

В докладе рассмотрены некоторые методологические подходы к анализу разнообразия моделей современного капитализма. На основе исследования промежуточных результатов рыночных трансформаций в постсоциалистическом мире делается вывод о возникновении здесь несвойственных для развитых западных государств моделей капитализма (государственный, клановый, зависимый). Для них характерны альтернативные экономические механизмы координации, тесно связанные с относительно стабильным набором комплементарных институтов, обеспечивающих странам специфические сравнительные преимущества. Ставится вопрос о перспективах развития России, институциональная гибридность экономической системы которой порождает многочисленные дисфункции управления, осложняет проведение структурных реформ и модернизацию экономики.

Ключевые слова: постсоциалистические трансформации, разнообразие моделей капитализма, государственный капитализм, клановый капитализм, зависимый капитализм стран ЦВЕ.

Классификация JEL: P0, P1, P20, P30, P5, P51, O570.

The paper addresses several methodological approaches to the analysis of modern capitalism models diversity. Proceeding from the research of interim results of market transformations in the post-socialist world, the conclusion is drawn that models of capitalism (state, crony, dependent) extrinsic to developed Western countries have emerged here. These models are characterized by alternative economic coordination mechanisms closely linked to a relatively stable set of complementary institutions, which provide for specific comparative advantages to the countries. The issue of the development perspective for Russia is raised, since the institutional hybridism of its economic system triggers multiple management dysfunctions, complicates structural reforms and economic modernization.

Keywords: Post-Socialist transformation, varieties of Capitalism, state, crony, dependent capitalism.

JEL Classification: P0, P1, P20, P30, P5, P51, O570.

© Глинкина С.П., 2016

© Институт экономики РАН, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Некоторые исходные позиции теории трансформации. (Вместо введения)	4
Глава I. К вопросу о разнообразии моделей капитализма	7
Глава II. Типы капитализма, возникшие в постсоциалистических странах по итогам трансформации	10
1. Государственный рыночный капитализм (ГРК)	10
2. Клановый рыночный капитализм (КРК)	12
3. Зависимый капитализм стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ)	14
Вместо заключения	20
Литература / Refernces	23

Некоторые исходные позиции теории трансформации.

(Вместо введения)

В ряду крупномасштабных социально-экономических и политических изменений конца XX – начала XXI в. особое место заняли постсоциалистические трансформации. Они затронули почти три десятка стран. Реформы в постсоциалистических странах более четверти века находились в центре внимания обществоведов всего мира. Однако и сегодня дальнейшая разработка методологии исследования переходных экономических процессов, включая такие важные вопросы, как характеристика исходной точки трансформации, движущие (национальные и международные) силы проводимых реформ, критерии завершенности переходного периода, не утратили свою актуальность, а оценка результатов трансформационных преобразований является предметом острых дискуссий.

Понятие «переход» на старте реформ не было строго определено [1]. Не стало оно однозначнее и по прошествии 25 лет системных преобразований. По-прежнему существенно отличаются друг от друга позиции представителей разных экономических школ по этому вопросу, что объяснимо ввиду существующих между ними принципиальных различий в понимании иерархии элементов, а нередко и самой сути экономической системы. В результате, как это ни парадоксально, представители марксизма и неоклассики сходятся в методологии, проповедуя монофакторный подход к различению базовых и переходных систем; для них базовая система – преодолевшая многоукладность и неоднородность. Поэтому и «переход», в их понимании, – это программа, направленная на скорейшее утверждение «совершенной» среды хозяйственной деятельности: рыночная экономика с преобладанием частной собственности либо система хозяйствования с господством государственной собственности [1, с. 6–7].

Классическая и посткейнсианская школы политэкономии, пропагандирующие «производственно-продуктовую картину экономической реальности», представляют себе трансформационный переход как постепенное изменение структуры ресурсных потоков, которые, в свою очередь, формируют структурные параметры производства, потребления и инвестиций, приспособлявая их к изменениям в институциональной среде и экономическом поведении людей [2, с.129]. Еще большего от трансформационного перехода ждут представители «старого институционализма»: ни много, ни мало – «преобразования всей социально-экономической ткани».

Картина «перехода» становится еще запутанней, если от стадийно-формационного подхода к оценке истории (марксизм, У. Ростоу, Д. Белл и др.), утверждающего примат экономики в структуре и динамике общества, а также линейно-прогрессивный характер траектории развития и прямое восхождение общества от ступени к ступени, исследователи встают на позиции представителей цивилизационного подхода (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин и др.) [1, с.7–8]. Последние отстаивают первенство в развитии духовной сферы – науки, культуры, образования, этики, религии, приоритет системы цивилизационных ценностей, которые определяют мотивацию человеческой деятельности. «Цивилизационисты» признают циклично-генетические закономерности динамики общества его фундаментальными основами, неизбежно присущими всякому

обществу в прошлом, настоящем и будущем, и имеют свой, существенно отличающийся от господствовавшего в российской научной мысли XX в. взгляд на периодизацию истории и будущее человечества. Для них глобальное цивилизационное пространство в каждый конкретный период времени представляет собой «разноцветное лоскутное одеяло», в котором прочно «сшиты» между собой цивилизации, находящиеся на различных стадиях развития. Цвет этого «одеяла» время от времени меняется: то одни, то другие цивилизации выходят вперед, становятся лидерами цивилизационного прогресса, а прочие отходят во второй, третий эшелон [3, с. 386]. Понятно, что для представителей цивилизационного подхода нет и не может быть «конца истории», «полной и окончательной победы» того или иного строя, да и само понятие «переход» несопоставимо с используемым представителями стадийно-формационного подхода.

Анализ тенденций современного обществоведения позволяет признать, что в оценке посткоммунистических трансформаций на протяжении последних 25–30 лет не только в России, но практически во всем мире, господствовал стадийно-формационный подход. Исследования велись в логике противопоставления социализм – капитализм. При этом социалистический период развития в рамках мейнстрима признавался отступлением от исторического хода развития человечества (экспериментом, преступлением и т.п.), а трансформационный переход, соответственно, возвращением в лоно цивилизации. Однако по ходу трансформационных реформ многое становилось не столь однозначным. «Сама исходная база начавшегося перехода от госсоциализма к рыночному капитализму, – писал известный российский экономист Ю. Ольсевич, – оказалась слабо изученной, и о реальной конструкции разрушенного здания приходится теперь судить по отдельным блокам и балкам, хаотически загромоздившим фундамент неформальных институтов» [4, с. 6]. По мере получения первых промежуточных результатов трансформации все понятнее становились слова известного американского экономиста М. Олсона о том, что западной экономической мыслью до сих пор не дан ответ на главный вопрос, что представляет собой процветающая рыночная экономика как система [5, с. 8–9]. Именно переход от плана к рынку в большой группе постсоциалистических государств обнажил этот провал.

Приступившим к трансформации реформаторам вместе с тем казалось, что взаимодействие институтов развитого рынка и демократии (а именно этот подход оказался наиболее востребованным в бывших социалистических странах¹) гарантирует автомати-

---

¹На старте трансформации можно было выделить четыре теоретических подхода к трансформации:

телеологический подход, рассматривающий создание новой экономической системы как быстрый переход от одного состояния общества и экономики к другому, соответствующему некоему идеалу или проекту; в ходе трансформационного перехода он был отвергнут вместе с опытом строительства реального социализма – эксперимента с использованием широкомасштабной социальной инженерии;

абсолютизированный эволюционизм, реализованный западными государствами в течение нескольких столетий формирования рыночной экономики, использование которого оказалось невозможным в силу значительного сжатия времени к концу XX в.;

генетический подход, представленный целым рядом научных концепций: идеей постепенной, поэтапной социальной инженерии К. Поппера, предлагавшего «идти от проблем»,

ческое попадание в желанный пункт назначения – ряды наиболее развитых государств мира. Вне анализа оставались скромные (а порой плачевные) попытки быстрого преодоления отсталости стран «третьего мира» в 1950–1960 гг., когда эта проблема трактовалась технократически: «для достижения поставленной цели из значений ряда важнейших экономических показателей для развитых стран (капиталовооруженность, объем инвестиций, уровень образования и т.д.) вычитались соответствующие значения для стран «третьего мира» и тем самым определялись конкретные задачи, причем предполагалось, что «контрольные цифры» достижимы, прежде всего, благодаря изменению потока финансовых ресурсов» [4, с. 264–268].

Мало кто услышал в ходе трансформации слова С. Хантингтона о том, что «Запад – странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого... Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения Земли... Запад уникален, а вовсе не универсален» [9].

Коллапс реального социализма и начавшийся трансформационный переход заставили исследователей обратиться к анализу внутреннего разнообразия капитализма, который до 1989 г. в научной литературе практически отсутствовал, все внимание обществоведов было сосредоточено на анализе различий между капитализмом и социализмом.

методом проб и ошибок постоянно осуществлять улучшения, вместо того чтобы стремиться быстро достичь умоглядного либо, как предполагалось, существующего идеала [6]; подходом Н. Кондратьева, базирующимся на необходимости учета объективных тенденций развития при формировании целей и разработке плановых заданий [7]; теорией «перспективных траекторий развития» В.М. Полтеровича [8]) и др.;

переход через заимствование существующих в наиболее развитых странах Запада институтов в надежде на осуществление успешной догоняющей модернизации.

Глава I. К вопросу о разнообразии моделей капитализма

За последние несколько лет сравнительные типологии различных видов капитализма (сравнительный капитализм) стали каноническими в политэкономии западных обществ [10]. Появившиеся многочисленные исследования в рамках, главным образом, двух основных школ – разнообразия капитализма (Varieties of Capitalism) и теории регуляции (Regulation Theory), свидетельствовали о том, что существуют различные типы рыночно-капиталистического хозяйства². Эти школы усомнились в существовании единственного механизма координации в рамках капиталистической системы хозяйствования и в существовании «одного лучшего варианта капитализма» [11].

Первопроходцем в этой области исследований стал Э. Шонфилд [12], идеи которого популяризировал в своей книге «Капитализм против капитализма» М. Альбер [13]. Представители теории регуляции, уходящей корнями в марксизм и традиционный институционализм, выделили четыре основных типа капитализма: рыночный (США, Великобритания), корпоративный (Япония), социал-демократический (Швеция, Австрия) и стейтсистский (Франция) [11].

Преобладание того или иного типа хозяйствования определяет специфику складывающейся экономической системы, особую социальную структуру общества и систему мотиваций его членов. В таком случае лозунг о переходе от плана к рынку как содержанию трансформационного процесса стал мало что объяснять – рынок рынку рознь, капитализм одного типа отличается от капитализма иного типа. Что построено постсоциалистическими странами по итогам трансформации – важный для теории переходных экономических процессов вопрос, актуальность которого возрастает в связи с тем, что в российском обществоведении вплоть до последнего времени специфика различных видов капитализма анализировалась практически исключительно страноведами вне сравнительных международных исследований³. Для ответа на эти вопросы мы воспользуемся методологией, предложенной П. Холлом и Д. Соскисом [14], внесшими значительный вклад в разработку классификации типов капитализма и вдохновившими полученными ими результатами многочисленных исследователей по всему миру.

П. Холл и Д. Соскис выделяют два основных типа рыночного капитализма – либеральная рыночная экономика, ЛРЭ (liberal market economy, LME) и координируемая рыночная экономика, КРЭ (coordinated market economy, CME). В первом случае основным механизмом, координирующим деятельность хозяйствующих субъектов, является рынок, во втором – важную роль играют разнообразные нерыночные механизмы: межфирменные и внутрифирменные деловые сети, национальные и секторальные бизнес-ассоциации, профсоюзы и пр. Авторы выделяют специфический набор комплементар-

---

² Школы базируются на разной методологии, и если регулятивная теория, начинавшая анализ с чисто экономических вопросов, сегодня уделяет огромное внимание политическим аспектам развития стран, то теория разнообразия капитализма, зародившаяся в рамках политэкономии, сегодня активно использует теории фирмы.

³ Среди работ обзорного характера по данной теме следует упомянуть: *Шевчук А.В.* Сравнительные исследования моделей капитализма // *Экономическая социология*. Т.9. № 2. март 2008 (www.ecsos.msses.ru).

ных институтов, способных объяснить значительные различия в инновационных моделях развития стран. Среди них: корпоративное управление, основные источники финансирования инвестиций, отношения между трудом и капиталом, система подготовки кадров и механизмы трансфера инноваций в рамках экономики.

Авторы вводят понятие «институциональная комплементарность» для описания взаимозависимости институтов, их взаимоподдерживающего и взаимоусиливающего влияния. Они демонстрируют, как специфические конфигурации институтов формируют облик хозяйственных систем и приходят к выводу о существовании «сравнительных институциональных преимуществ» у каждой из выделенных моделей: комплементарные по отношению друг к другу институты дают фирмам определенные преимущества в одних видах деятельности и ограничивают в других.

Различия между двумя выделенными типами капитализма представлены в таблице 1.

Таблица 1. Базовые разновидности капитализма

Основные институты	Либеральная рыночная экономика	Координированная рыночная экономика
Отличительный механизм координации	Конкурентные рынки и формальные контракты.	Такие нерыночные формы координации, как внутри- и межфирменные сети и национальные и секторальные ассоциации.
Основные механизмы привлечения инвестиций	Международный рынок капитала.	Система национального банковского кредитования и национальные фонды.
Корпоративное управление	Аутсайдерская модель, основанная главным образом на использовании внешних по отношению к акционерному обществу, или рыночных, механизмов корпоративного контроля.	Инсайдерская модель, базирующаяся преимущественно на использовании внутренних методов корпоративного контроля, или методов самоконтроля.
Отношения между предпринимателями и работниками, трудом и капиталом	Рыночные – случаи заключения коллективных договоров редки.	Корпоративные, как правило, консенсусные, секторальные или даже национальные соглашения.
Система образования и формирования трудовых навыков	Формирование общепрофессиональных навыков, высокие затраты на исследования и разработки.	Формирование специфических (отраслевых и внутрифирменных) навыков.
Трансферт инноваций	Базируется на рынках и формальных контрактах.	Большую роль играют совместные предприятия и бизнес-ассоциации.
Сравнительные преимущества	Радикальные инновации в технологиях и сфере услуг.	Постоянное последовательное совершенствование производственных процессов, обновление средств производства на основе инноваций.

Источник: Hall P., Soskice D. An Introduction to Varieties of Capitalism // Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage / P. Hall, D. Soskice (eds.). Oxford: Oxford University Press. 2001. P. 1–68; Nölke A., Vliegenthart A. Enlarging the Varieties of Capitalism. The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // World Politics. 2009 No. 61 (4). P. 680.

Для выделения особой модели капитализма, по П. Холлу и Д. Соскису, необходимо выполнение трех условий: 1) наличие альтернативного экономического механизма координации, тесно связанного с 2) относительно стабильным набором комплементарных институтов, 3) что обеспечивает специфические сравнительные преимущества и лучший экономический сценарий развития по сравнению с другими социально-экономическими типами. Наличие господствующего механизма координации не отменяет действия в конкретной экономике иных его видов. Так, в КРЭ неизменно присутствуют в качестве механизмов координации рынок и рыночные контракты, а в ЛРЭ не исключена практика согласований на уровне отраслевых и межотраслевых ассоциаций.

Использованный авторами методологический подход впервые был применен при анализе особенностей капитализма в триаде США, страны Западной Европы и Япония и получил название «Разнообразие (множество) моделей капитализма» (varieties of capitalism), или VOC-подхода. Идея о том, что «базовые институты капитализма отличаются от страны к стране и что эти различия носят неслучайный характер, а являются строго комплементарными, – по мнению видных представителей данного подхода А. Нёлке и Ф. Флигентхарта, – привела к пониманию сложной, целостной и очевидной институциональной картины развитого капитализма» [15].

Глава II. Типы капитализма, возникшие в постсоциалистических странах по итогам трансформации

Проведенные на основе VOC-подхода исследования результатов трансформации в бывших социалистических странах дали противоречивые результаты. Так, в отношении стран Центрально-Восточной Европы одни исследователи находили сходство между ними и либеральными рыночными экономиками [16, 17]. Другие делали выводы о движении этих стран в сторону координируемой рыночной экономики [18, 19 с. 27–47], в то время как третьи констатировали появление гибридного типа капитализма, объединяющего черты двух основных вариантов капитализма [20, 21, 22].

Столь противоречивые оценки частично можно объяснить механическим наложением на экономики постсоциалистических стран основных характеристик двух основных моделей капитализма либо механическим использованием количественных методов при анализе социально-экономических типов капитализма, сложившихся по итогам трансформации. Взятые сами по себе, статистические корреляции не обязательно показывают причинную внутреннюю связь между институциональными элементами, что может приводить к методологическим ошибкам (дефектам) [22, 23]. Чрезмерное же фокусирование внимания на одном из институтов может стать причиной неверных заключений, поскольку такой подход не позволяет выявлять важнейшие внутренние зависимости между различными институтами в рамках одной капиталистической модели.

На наш взгляд, попытка идентифицировать типы капитализма в постсоциалистическом мире в категориях двух основных моделей – либеральной и координируемой рыночной экономики – ошибочна. Существование названных моделей – результат исторических особенностей развития конкретных государств, о чем в свое время убедительно писал М. Альбер [13]. Существование либеральной модели капитализма предполагает наличие у страны развитых институтов обезличенного обмена. Координируемый же рыночный капитализм невозможен без высокого уровня развития институтов гражданского общества, системы социальной защиты. Отсутствие в постсоциалистических странах названных и ряда других условий практически блокировало возникновение здесь западных (либерального и координируемого) типов капитализма. При этом появился ряд разновидностей, обладающих серьезной постсоциалистической спецификой.

1. Государственный рыночный капитализм (ГРК)

Запуск рыночного капитализма в ряде постсоциалистических стран Востока, прежде всего в Китае, характеризовался особой ролью государственного управления, которое стало основным механизмом координации в рамках экономики. В широком смысле под государственным капитализмом понимается влияние государства на экономику как в форме владения мажоритарными или миноритарными пакетами акций компаний, так и в форме предоставления субсидированных кредитов или иной поддержки частных компаний [25]. Китайское государство и после тридцати лет рыночных реформ – крупнейший акционер 150 ведущих корпораций страны. На государственные компании приходится 80% стоимости фондового рынка Китая. Среди 5 крупнейших по объемам капита-

ции банков мира 3 китайские, причем все государственные либо акционерные с преобладающей долей государственного капитала. При осуществлении государственного управления как механизма координации задействуются не только экономические институты и инструменты, но и идеология, культура, пропаганда, традиции и т.п.

ГРК характеризуется тесным взаимодействием государственного аппарата с быстро развивающимися национальными бизнес-элитами. При этом обеспечивается баланс во взаимоотношениях между занимающимися поиском ренты предприятиями и органами государственного управления, что становится важным блокиратором на пути подчинения государственной политики частным интересам.

В рамках данного типа капитализма в соответствии с требованиями VOC-подхода наблюдается необходимая институциональная комплементарность. Институты корпоративного управления и инвестирования оказываются взаимодополняющими: крупнейшие (структурообразующие) компании контролируются национальным капиталом, структура собственности предопределяет особенности корпоративных финансов. Контроль со стороны национального капитала, широкое распространение в экономике государственной формы собственности позволяют крупнейшим предприятиям получать значительную государственную поддержку (например, субсидированные кредиты от государственных банков и банков развития) и благодаря этому быть относительно независимыми от краткосрочных колебаний на глобальных финансовых рынках, от интенсивности притока в страну иностранного капитала. Приход иностранного (транснационального) капитала в качестве модернизационного фактора приветствуется до тех пор, пока последний не подрывает господства (преимущества) национального капитала, не пытается оказывать влияния на систему национального государственного управления.

Определенные преимущества крупнейшие компании получают и при выстраивании отношений между трудом и капиталом: государственное регулирование может обеспечивать компаниям условия для сохранения низких расходов на рабочую силу, что становится важным фактором их конкурентоспособности⁴. Сказанное справедливо и в отношении сферы образования и профессиональной подготовки кадров, которые, будучи под контролем государства, учитывают интересы государства в целом, а также тех секторов экономики, где национальные компании наиболее активны.

Как правило, в государствах рассматриваемого типа капитализма расходы на НИОКР значительны. Трансферту инноваций в экономику способствуют: широкомасштабные государственные интервенции, создание совместных предприятий между национальными и иностранными компаниями, а также слабая защита прав интеллектуальной собственности, содействующая распространению реверсного инжиниринга, который становится важным инструментом преодоления страной технологического раз-

---

⁴ В течение почти трех десятилетий с начала реформ в Китае промышленный рост находился на уровне выше 10%, а заработная плата трудящихся после единовременного начального повышения перешла на скромный ежегодный рост в 1-3%. Дешевизна рабочей силы признается одним из самых важных факторов ускоренного экономического роста в Китае. Ее избыточное предложение помогло Китаю отвоевать значительный сегмент мирового рынка.

рыва с развитыми государствами. Сказанное позволяет компаниям стран данного типа капитализма быть конкурентоспособными в стратегически важных отраслях экономики, где наблюдается ускоренное технико-технологическое развитие. За счет же низких производственных издержек (прежде всего на труд) компании ГРК оказываются среди передовиков при производстве продукции среднего технологического уровня, а также в переработке сырья.

Система государственного капитализма позволяет использовать преимущества открытых свободных рынков и в то же время создавать систему действенной защиты ключевых секторов национальной экономики, быстро мобилизовать финансовые ресурсы для решения крупных народнохозяйственных задач. Государственный капитализм возникает как реакция на рынок, ориентированный на скорейшее получение прибыли и краткосрочные интересы частного капитала [25].

2. Клановый рыночный капитализм (КРК)

Одной из разновидностей постсоциалистического рыночного капитализма является так называемый *клановый рыночный капитализм (КРК)* – экономическая система, в которой доминирует относительно небольшое число сверхкрупных государственно-частных компаний, возглавляемых, в основном, людьми одного или нескольких кланов. Клановые – главные действующие лица данной системы – представляют собой замкнутые группировки людей, включающие представителей бизнеса, политиков, бюрократов, работников правоохранительных органов, объединенных общими деловыми интересами, неформальными (нередко родственными) отношениями, что позволяет им сосредотачивать в своих руках одновременно экономические и административно-политические ресурсы.

Клановость является основным механизмом координации в рамках рассматриваемой системы. Она представляет собой механизм разрешения частных и общественных проблем, принятия решений не в соответствии с формальными правилами и законами, а согласно неформальным нормам или реальному весу (соотношению влияния и ресурсов) того или иного клана или персоны... «Законы здесь работают только в том случае, когда касаются рутинных ситуаций и «маленьких людей», которые не затрагивают чьих-либо значимых интересов. В противном случае в дело вступают механизмы неформальных согласований или даже "клановых войн"» [26]. Неформальные межклановые и внутриклановые нормы и правила поведения играют более существенную роль, чем формальные, и несоблюдение первых карается кланом гораздо более серьезно, чем нарушение вторых [26].

Как и в рассмотренных нами выше типах капитализма, в КРК существует строгая комплементарность институтов: особенности механизма координации создают специфический тип кланового корпоративного управления, для которого характерно наличие строго иерархической структуры, членами которой являются: лидер клана, его команда, высококвалифицированные специалисты, рядовые члены, а также «агенты влияния», обеспечивающие представительство интересов кланов в государственных органах и общественных организациях. Авторитет лидера непререкаем. Он формирует команду, определяет положение ее членов, устанавливает систему неформальных норм и правил, которые определяют жизнедеятельность клана. Социальный порядок внутри клана

обеспечивается системой стимулов (продвижение по ступеням иерархии) и санкций (бойкот, изгнание из клана, вплоть до физического уничтожения).

Финансовая база деятельности кланов формируется, как правило, за счет привилегированного участия в приватизации государственной собственности и в перераспределении ресурсов государственного бюджета⁵ [27, с. 64]. Полученные из этих источников средства, дополненные различного рода дотациями, субсидиями и помощью со стороны государства, становятся основой инвестиционной деятельности, подконтрольных клану предприятий внутри страны и за рубежом. Прочие источники финансирования (заимствования на внешних рынках, ПИИ, иностранная помощь и др.) также могут играть роль в развитии предприятий в государствах КРК, однако их масштабы predeterminedены прежде всего степенью заинтересованности внешних игроков в развитии отдельных отраслей национальной экономики, а также условиями внешних заимствований.

Взаимоотношения между трудом и капиталом практически полностью зависят от позиционирования работника в отношении клана. Члены команды, специалисты ощущают постоянную поддержку организации, могут рассчитывать на высокое вознаграждение, помощь клана в сложные моменты жизни, что с лихвой компенсирует отсутствие писаной системы социальной защиты.

Система рекрутирования кадров для кланов многоступенчата. Так, в команду руководителя обычно входят лично преданные ему родственники, друзья детства, бывшие коллеги по работе и бизнесу. Для подготовки специалистов предоставляются возможности получения образования за рубежом, нередко создаются специальные курсы либо открываются факультеты (кафедры) в престижных вузах; многие специалисты за высокое вознаграждение рекрутируются на национальном или международном рынке труда. На этом уровне формирования клановой структуры, как и при формировании ядра клана, большую, если не определяющую, роль играют личные связи.

Большинство кланов, будучи финансово состоятельными структурами, закупают технологии на мировом рынке, внедряя их на подконтрольных предприятиях. Имеет место и практика организации научно-исследовательских разработок в интересах развития подконтрольного клану бизнеса.

Комплементарные по отношению друг к другу институты кланового типа капитализма дают фирмам определенные преимущества в рентоориентированных видах деятельности, требующих организации полного производственного цикла. Типичным примером такой деятельности является добыча, переработка природных ресурсов, создание на их основе конечного продукта, организация экспорта. Большинство финансово-промышленных групп - структуры кланового типа.

Важнейшей чертой КРК является становление особого типа государства, обеспечивающего благоприятные условия для функционирования крупнейших кланов, создание им преимуществ перед другими участниками экономической жизни. В ходе развития системы может происходить практически полное слияние власти и бизнеса, государства

---

⁵ О роли «номенклатуры» и деятелей теневого бизнеса в формировании ядер постсоциалистических кланов см. [27].

и собственности, а коррупция и nepoтизм из преступления превращаться в основное производственное отношение.

Причины распространения кланового типа капитализма в постсоциалистических, прежде всего постсоветских, государствах разнообразны. Среди них:

- слабый уровень доверия предпринимателей по отношению к государству и другим участникам рынка;

- ошибки в стратегии реформ и подчиненность процесса политическим интересам новой элиты;

- гипертрофированное развитие неформальных институтов в политической и экономической системе как ответ на неготовность институциональной среды к проведению крупномасштабных преобразований;

- неизжитость и после 70 лет социалистического развития в ряде государств (прежде всего Центральной Азии) элементов клановой организации общества и др.

Распространение КРК ведет к сужению круга участников сделок до лиц, поддерживающих друг с другом регулярные личные контакты; разрастание неформальных институтов открывает широкое поле для злоупотреблений и оппортунистического поведения [28, с. 138–156]. Вместе с тем, использование неформальных институтов взаимодействия, возрождение ряда традиционных форм правления на определенном этапе развития может способствовать адаптации экономики к новым условиям существования, обеспечивать достаточно высокий уровень социально-политической стабильности в обществе. Эффективность экономической деятельности клана в значительной степени предопределяется масштабами личности лидера, а также соотношением между такими двумя характеристиками команды, как личная преданность руководителю и уровень квалификации, что можно подтвердить на многочисленных примерах из современной жизни постсоциалистических государств. Неформальные отношения, господствующие в рамках клана, предусматривают высокий уровень личного доверия среди его членов, особую психологическую атмосферу и высокий уровень внутренней сплоченности, столь необходимые для решения нестандартных задач трансформационного периода. Все названные выше моменты с очевидностью могут способствовать устойчивости кланового типа капитализма .

3. Зависимый капитализм стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ)

В наибольшей степени формализации поддается модель капитализма, сложившаяся в ряде постсоциалистических стран ЦВЕ, получившая в научной литературе название *зависимый рыночный капитализм (ЗРК)* [15]. В отличие от стран либерального рыночного капитализма, где в качестве центрального механизма координации выступают конкурентные рынки и контракты, в отличие от стран координированного рыночного капитализма, где эту роль выполняют внутри- и межфирменные сети и ассоциации, в странах зависимого капитализма центральным механизмом координации являются иерархии в рамках транснациональных корпораций [15, 29]. Основной чертой данного типа рыночного капитализма является фундаментальная зависимость этих стран от решений, принимаемых транснациональными корпорациями по поводу инвестиций в их экономику. Такой структурный элемент модели капитализма в рамках VOC-подхода, как корпоративное управление, в случае зависимого капитализма реализуется штаб-

квартирами транснациональных корпораций (ТНК). При этом он полностью комплементарен с четырьмя другими элементами, выделяемыми VOC-подходом.

Первая и наиболее очевидная связь – зависимость между корпоративным управлением и основными источниками инвестиций в зависимых экономиках. Чистый приток ПИИ в страны Центрально-Восточной Европы увеличился с 815 млн долл. в 1990 г. до 77,9 млрд долл. в 2007 г., когда он достиг своего пика. Все страны ЦВЕ, кроме Словении, уже в 1990-х гг. обогнали ЕС по объему притока ПИИ относительно ВВП. В 2000–2008 гг., пока приток ПИИ не упал из-за мирового кризиса, страны ЦВЕ в среднем получали их в объеме 6,5% ВВП против 1% в ЕС в целом. Накопленные ПИИ в 2014 г. превысили 730 млрд долл. – почти 10% от их общего объема в Евросоюзе. В пересчете на душу населения это в 2 раза больше, чем в среднем в мире. Учитывая огромные объемы ПИИ, осуществленные транснациональными корпорациями в странах Центрально-Восточной Европы (табл. 2), последние предпочитают иерархически контролировать местные филиалы из своих штаб-квартир, обеспечивая альтернативный способ их финансирования и управления ими [30, 31, 32]. ТНК не пренебрегают и возможностями международного рынка капиталов, а также кредитов банков (большинство которых являются дочками иностранных финансовых институтов⁶), однако основным источником остаются прямые иностранные инвестиции.

Таблица 2. Объем притока и накопленных ПИИ в странах ЦВЕ

Страны и мир	Чистый приток ПИИ в % к ВВП, в среднем в год		Накопленные ПИИ					
			в % к ВВП			в долл. США, на душу населения		
	2001–2008	2009–2014	2001	2008	2014	2001	2008	2014
Болгария	14,7	4,2	20,6	82,6	83,5	371	5 871	6 493
Венгрия	4,9	4,1	51,2	56,2	71,7	2 688	8 765	9 902
Латвия	5,7	2,6	17,8	31,7	45,6	794	5 289	7 137
Литва	4,8	1,4	21,8	27,0	30,5	770	4 119	4 884
Польша	4,1	2,1	21,2	29,6	44,8	1 054	4 116	6 414
Румыния	6,8	1,9	20,5	31,1	37,3	374	2 948	3 453
Словакия	6,7	1,6	38,0	52,5	53,4	1 508	9 310	9 757
Словения	1,8	0,8	12,1	21,5	25,8	1 268	5 887	6 140
Хорватия	6,4	3,3	14,6	40,3	52,0	766	6 517	6 966
Чехия	5,1	2,3	40,2	48,1	59,1	2 648	10 870	11 315
Эстония	11,5	5,3	50,5	64,0	74,5	2 321	11 813	15 032
ЕС-15	3,0	2,0	23,5	32,5	40,0	5 191	14 324	16 762
МИР	2,6	2,0	21,5	24,2	32,8	1 150	2 262	3 514

Источник: данные и расчеты по UNCTAD, FDI/TNC Database.

⁶ Иностранные банки, главным образом западноевропейские, скупив в странах ЦВЕ практически полностью бывшие государственные банки и создав свои филиалы с нуля, накануне мирового финансового кризиса контролировали около 80% всех банковских активов в регионе, а в Словакии, Чехии и Эстонии – почти 100%. Единственной страной, сохранившей основную часть (около 70%) активов банковской системы в собственности национального частного и государственного капитала, была Словения [34, с. 35].

Вторая тесная взаимосвязь существует между институтами корпоративного управления, источниками инвестиций и системой отношений между трудом и капиталом. С одной стороны, транснациональным корпорациям для функционирования модели зависимой рыночной экономики нужны низкие затраты на труд⁷ и, следовательно, они не могут позволить существование таких дорогостоящих институтов, как обширные коллективные соглашения или сложные процедуры увольнений. Учитывая жесткую конкуренцию за прямые иностранные инвестиции, вынуждающие правительства трансформирующихся стран идти на всевозможные льготы и преференции транснациональным корпорациям [33, с. 109], ТНК оказываются в исключительно благоприятных условиях для выстраивания особых отношений между трудом и капиталом. С другой стороны, ТНК заинтересованы в том, чтобы работники филиалов были вполне удовлетворены своим положением, поскольку филиалы объединены в производственные цепи, и недовольство работников на одних участках может негативно сказаться на производственном результате в целом. При этом позиции трудовых коллективов филиалов ТНК не настолько сильны, чтобы они могли требовать заключения генеральных соглашений по вопросам труда в рамках страны. Такая практика отсутствует в трансформируемых странах и ввиду слабости профсоюзов, институтов гражданского общества. В результате доминируют селективные соглашения на уровне компаний, что соответствует интересам ТНК и создает стабильные взаимоотношения между менеджерами и рядовыми работниками в рамках отдельных фирм.

В-третьих, ТНК предпочитают сохранять наиболее инновационные виды деятельности в странах своего базирования. Зависимые рыночные экономики используются ими как платформы для сборки с использованием инноваций, полученных в штаб-квартирах ТНК, либо закупленных на рынках стран либерального рыночного капитализма, либо полученных в результате создания совместных предприятий с производителями стран координируемого рыночного капитализма. «Утечки» технологий не происходит, они распространяются лишь в рамках ТНК [32, с.9–10; 34, с. 39–41]. Такое положение обеспечивает дополнительную комплементарность институтов зависимых рыночных экономик. Инвестиции, финансируемые через ПИИ, и иерархический контроль со стороны штаб-квартир ТНК позволяют осуществлять трансфер инноваций в зависимые рыночные экономики без каких-либо рисков для прав на интеллектуальную собственность, которые возникают в случае, например, создания совместных предприятий. Более того, в условиях ограниченной инновационной активности нет необходимости тратить большие средства на научно-исследовательскую деятельность [34, с. 62–63], как это происходит в либеральных рыночных экономиках, или осуществлять характерную для координируемых рыночных экономик профессиональную подготовку, формирующую специфические знания и навыки.

---

⁷ Средние затраты работодателей на одного работника в расчете на 1 час рабочего времени в Германии, Франции и Австрии остаются выше, чем в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии в 3–5 раз, в странах Балтии – в 4–6 раз, в Румынии – в 8–9 раз и в Болгарии – в 14–16 раз. И это после почти двукратного сокращения разрыва между старыми и новыми членами ЕС в 2000-е гг. Даже Португалия – беднейшая страна ЕС – опережает страны ЦВЕ по удельным затратам на труд в 1,4–6,0 раз [34, с. 30].

Особые зависимости создаются и в системе отношений между трудом и капиталом: ТНК не нужны слишком гибкие рынки труда, которые способствуют росту инноваций (как это имеет место в либеральных рыночных экономиках). Не нужны им и гибкие трудовые контракты, в результате реализации которых, вложив предварительно существенные средства, собственник получает высококвалифицированную рабочую силу (ситуация, характерная для координированных рыночных экономик). Модель зависимого рыночного капитализма особенно хорошо работает при среднем уровне гибкости рынка труда – тогда ТНК сохраняют способность предотвращать мобильность своих квалифицированных кадров и, таким образом, избегать развала созданных в странах сборочных платформ.

Описанная комплементарность институтов обеспечивает странам зависимого типа капитализма специфические сравнительные преимущества, которые базируются не на радикальных инновациях, характерных для стран либерального рыночного капитализма, и не на постоянных и постепенных инновациях в организации труда и совершенствовании средств производства, свойственных для координированного рыночного капитализма. Сравнительные преимущества зависимого типа капитализма являются следствием комбинации низких затрат на труд и высоких профессиональных навыков рабочей силы, что делает страны привлекательными для организации на их территории платформ по сборке и выпуску полустандартизированных промышленных товаров. Среди основных отраслей интеграции - производство транспортного оборудования, производство электрических приборов, общее машиностроение. Так, в Словакии на продукцию машиностроения, включая транспортное оборудование, приходится 37% экспорта, рассчитанного на основе валовой добавленной стоимости (ВДС), в Венгрии – 35%, в Чехии – 24%. Доля цепей поставок в производстве экспортной продукции по странам ЦВЕ составляет от 54% в Латвии до 69,2% в Венгрии [34, с.26]. Наиболее инновативные части производственных цепочек остаются в штаб-квартирах ТНК, а технологии среднего уровня попадают в их филиалы, расположенные в странах зависимого рыночного капитализма, где они остаются под контролем корпоративных иерархий.

Дискуссионным остается вопрос о том, насколько благоприятным для постсоциалистических стран является попадание в число государств зависимого рыночного капитализма. По мнению А. Нёлке и А. Флигентхарта, такая модель развития обеспечивает определенные перспективы. «Учитывая чрезвычайно благоприятные условия для ПИИ, созданные в европейских постсоциалистических странах (низкие налоги⁸ за счет невысоких государственных расходов на социальные нужды, относительно дешевая рабочая сила при ее высокой квалификации), регион может успешно конкурировать за такого рода инвестиции на мировом рынке» [15] и развиваться на этой основе.

Действительно, страны ЦВЕ как регион уже к 2000 г. восстановили дореформенный объем регионального валового продукта, а в последующие годы, вплоть до кризиса, входили в число наиболее динамично развивавшихся стран мира (табл. 3).

---

⁸ Официальные ставки налогообложения доходов корпораций в странах ЦВЕ в полтора–два раза ниже, чем в Германии. В ряде стран введена плоская шкала налогообложения подоходного налога. Страны обвиняются Еврокомиссией в налоговом демпинге [33, с. 109].

Таблица 3. Динамика реального ВВП стран ЦВЕ

Страна и ЕС	Объем ВВП в 2015 г.			
	в % к 1989 г.	в % к 1993 г.	в % к 1999 г.	в % к 2008 г.
Болгария	119,4	157,1	170,8	103,7
Венгрия	131,6	160,6	138,1	102,3
Латвия	нд	227,4	188,1	100,5*
Литва	нд	210,9	189,4	103,0
Польша	216,9	248,0	176,4	123,6
Румыния	143,5	188,5	175,6	103,5
Словакия	нд	240,7	182,2	111,4
Словения	нд	179,8	138,6	95,6
Хорватия	нд	166,7	129,4	89,0
Чехия	нд	174,7	152,6	104,2
Эстония	нд	227,1	181,8	103,9*
ЕС-15	152,1	143,5	122,7	101,6

* В Латвии и Эстонии объем ВВП в 2015 г. все еще составлял лишь 97,3 и 98,3% от уровня 2007 г. – последнего перед началом экономического спада в этих странах.

Источник: расчеты по данным UNCTADstat и Eurostat Database.

От половины до $\frac{3}{4}$ прироста регионального валового продукта с середины 1990-х гг. обеспечивалось за счет повышения общей факторной производительности, в том числе повышения производительности труда.

Однако нельзя не видеть серьезных рисков, с которыми сталкиваются страны, попадающие в разряд зависимых рыночных экономик. Так, интересы ТНК реализуются лишь в ограниченных сегментах экономики. Пользуясь своими монополистическими преимуществами и правительственными льготами, иностранные инвесторы вытеснили отечественных производителей из целых сегментов рынка товаров и услуг стран ЦВЕ. В результате в ряде государств возник и углубляется феномен дуализма экономики [31, с.11], когда она распадается на два практически не связанных между собой сегмента – низкодоходный, или даже деградирующий, национальный и более успешный, ориентированный на экспорт, иностранный. Основные вызовы, с которыми сталкиваются в таких условиях страны, – необходимость сохранения преимуществ по затратам на производство перед лицом быстро растущих требований со стороны потребителей; критическая важность сохранения высокого уровня притока иностранного капитала.

Выполнение второго условия странами Центрально-Восточной Европы стало серьезной проблемой уже в середине нулевых годов, когда закончился льготный для ТНК процесс приватизации экономики стран ЦВЕ. Проблема обострилась в годы финансового кризиса и выхода из него – денег на мировом рынке стало меньше, они стали дороже (см. табл. 2.) В результате уже в недалекой перспективе сравнительные преимущества зависимого рыночного капитализма могут быть утрачены странами ЦВЕ, в том числе и ввиду появления аналогичных (или даже лучших) условий для деятельности ТНК в странах Северо-Восточной и Южной Азии. Сохранение льготных условий для деятельности транснациональных корпораций создает проблемы с наполняемостью бюджета многих государств ЦВЕ [32, с. 8], что ограничивает их возможности в развитии социальной сферы, научно-исследовательской деятельности.

Осознавая негативные для экономического роста и социального развития последствия чрезмерного присутствия в экономике страны иностранного капитала, руководство Венгрии – лидера по приему прямых иностранных инвестиций в ЦВЕ⁹ – разработало и уже несколько лет реализует новую экономическую политику, направленную на ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики и увеличение финансового бремени в отношении ТНК. Правительство исходило из того, что национальная независимость в мирное время базируется на независимости в области энергетики, финансов и торговли [35]. В июле 2012 г. председатель правительства В. Орбан поставил задачу повысить долю отечественного капитала в банковском секторе страны до 50%, т.е. более чем в 2,5 раза [36]. Задача была решена уже в конце 2014 г., после того как правительство выкупило у американской финансово-промышленной группы GE банк «Будапешт». При этом подчеркивалось, что правительство не стремится к национализации банковского дела – важно, чтобы оно было национальным, поскольку не может быть и речи о независимости страны без национальной кредитно-денежной системы [37].

В октябре 2010 г. для решения проблем с формированием бюджета был введен особый антикризисный налог в трех отраслях – энергетике, телекоммуникациях и крупных сетях розничной торговли, где обосновались в основном иностранные компании. Ощутимо повышен так называемый банковский налог, размер которого в 5–10 раз выше, чем в других странах ЕС. В. Орбан, обосновывая эти налоговые нововведения, прямо заявлял, что бремя кризиса в основном легло на плечи венгерских налогоплательщиков, теперь же будет справедливо, если больше тягот возьмут на себя те, кто смог извлечь из него экстра-прибыли, т.е. транснациональный капитал [38].

---

⁹ Доля предприятий с иностранным участием в производстве ВВП Венгрии, достигшая к рубежу веков 50%, намного превысила признанный в мировой практике безопасным уровень в 30% .

Вместо заключения

Как показывает проведенный анализ, по итогам постсоциалистических трансформаций развитие получили несвойственные для западных государств модели капитализма, среди которых мы выделяем государственный, клановый и зависимый. Каждая из названных моделей обладает особым типом институциональной комплементарности, обеспечивает участникам рынка определенные сравнительные преимущества, а также несет в себе очевидные риски.

Выделение дополнительных базовых типов рыночного капитализма позволяет обойти некоторое несовершенство подхода Д. Соскиса и П. Холла к анализу множественности моделей капитализма, в частности:

- 1) его жесткую дихотомию – либеральный versus координированный рыночный капитализм;
- 2) применимость лишь в отношении развитых стран Запада, причем не во всех регионах мира, и даже не для всех европейских государств;
- 3) неучет тесной связи между «национальными типами капитализма и глобальными производственными сетями» [39, с. 227–260];
- 4) игнорирование ведущей роли государства для экономик определенной группы стран.

Оценить промежуточные результаты трансформации непросто по целому ряду причин. *Во-первых*, для истории четверть века – мгновение. Вспоминается устоявшаяся «легенда», согласно которой Дэн Сяопин на вопрос о значении Великой французской революции ответил, что слишком мало – всего 200 лет – прошло, и рано давать какие-то оценки. Для более или менее общих выводов об эффективности общественных преобразований необходимо длительное и интенсивное накопление знаний о многих частных процессах и взаимосвязях между ними. Многие для исследователей пока остаются за кадром, несмотря на то, что объем вышедшей и в России, и за рубежом научной литературы о постсоциалистических трансформациях огромен.

Во-вторых, выводы любого исследования напрямую зависят как от обширности источниковедческой базы, которую использует ученый, так и от его ценностных ориентаций. В демократическом обществе это объективно предполагает наличие различных точек зрения на те или иные процессы. В случае же недостаточного развития демократии можно столкнуться с тем, что «победители пишут историю», т.е. навязывают обществу собственное видение и позиции.

В-третьих, не только в обществе в целом, но и даже в сфере хозяйства действуют, наряду с экономическими акторами, политические, социальные, идеологические силы, которые принципиально невозможно привести к общему знаменателю, к единому качеству. Значит, объект исследования – переход от плановой экономики к рыночной в ее многочисленных моделях имеет сильную страновую специфику. В результате сегодня мы едва ли можем говорить о постсоциалистических государствах как целостной группе стран. Как видно из проведенного анализа, речь идет о странах, построивших разные типы капитализма.

Многими, прежде всего либеральными, экономистами наиболее приемлемой для постсоциалистических стран, в частности для России, признается модель зависимого рыночного капитализма. Наиболее показательный в этом плане опыт стран Центрально-Восточной Европы свидетельствует о том, что выбор в пользу этой модели предполагает стечение ряда обстоятельств и выполнение многих условий. Так, очевидно, что при формировании зависимого рыночного капитализма важную роль играют глобальные кризисы, предопределяющие состояние в странах таких институтов, как государство, национальная буржуазия, профсоюзы и т.п. Применительно к постсоциалистическим странам таким кризисом стал коллапс социализма, развал СССР как центра геополитического и экономического притяжения для большой группы стран. По итогам этих событий постсоциалистические государства были слабы, национальная буржуазия отсутствовала либо была неспособна сопротивляться захвату экономики транснациональными корпорациями, а профсоюзы не смогли защитить права трудящихся.

Важным условием формирования зависимого капитализма в странах ЦВЕ стала их интеграция в Европейский союз, т.е. объединение с группой значительно более сильных экономически и более консолидированных политически стран. Процесс проходил под жестким контролем со стороны руководящих органов Европейского союза. Политические мотивы оказались доминирующими при предоставлении странам ЦВЕ финансовой и иной помощи, при определении сроков начала и окончания переговоров о вступлении в ЕС, при принятии решений об условиях членства и т.п. Перспектива членства в ЕС выполнила роль внешнего якоря в осуществлении странами сложных институциональных преобразований, блокировала возможность отторжения или мутации заимствованных странами западноевропейских институтов рынка и демократии [40, 41, 42, 43, 44].

Для формирования модели зависимого капитализма страна должна обладать специфической структурой политической власти [45]. Идеология господствующего политического класса должна быть нацелена на развитие такой экономической системы, которая способствовала бы реализации интересов ТНК. А те на основе осуществленных инвестиций проводили бы экономическую реструктуризацию экономики в соответствии со своими стратегиями и планами [46, 47].

Приход ТНК невозможен без снятия ограничений на приток иностранного капитала в стратегически важные отрасли экономики, без наличия у страны ряда сравнительных преимуществ, в частности дешевой квалифицированной рабочей силы. Страны ЦВЕ либо имели необходимые условия, либо сознательно шли на создание необходимых предпосылок реализации модели зависимого капитализма.

Государства, не сформировавшие по тем или иным причинам необходимую институциональную комплементарность, оказались в сложном положении. Видимо, к их числу следует отнести и современную Россию, которая на протяжении трансформационного периода пыталась построить либеральную рыночную модель капитализма, создала олигархический (клановый) капитализм и, наконец, провозглашает движение в сторону государственного капитализма. Такая институциональная гибридность порождает многочисленные дисфункции управления, осложняет проведение структурных реформ и модернизации экономики.

Ни объективно существующие геополитические амбиции России, ни особенности ее народнохозяйственного комплекса, ни структура рабочей силы и т.д. и т.п. не позволяют реализовать в нашей стране модель зависимого рыночного капитализма. Выбор между клановым и государственным типом капитализма в России, безусловно, должен быть сделан в пользу последнего. И здесь опыт Китая дает богатейший материал для изучения. Заимствования требуют не конкретные институты, существующие в современном Китае, а свойственная китайским реформаторам стратегическая мышленность. Последняя невозможна без формулирования поддерживаемой всем обществом цели развития, а ее реализация – без соответствующего высококвалифицированного кадрового потенциала.

Литература / Refernces

1. *Глинкина С.П.* Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций. М.: ИЭ РАН, 2007.
2. *Ананьин О.И.* Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005.
3. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т.1. М.: Институт экономических стратегий, 2006.
4. *Ольсевич Ю.Я.* Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. М.: ИНФРА-М, 2007.
5. *Олсон М.* Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. М., 1994.
6. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
7. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
8. *Полтерович В.М.* Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. Вып. 1.
9. *Huntington S.* West is unique, and not so universal // *Foreign Affairs*. 1996. Apr. 8.
10. *Jackson G., Deeg R.* How Many Varieties of Capitalism? Comparing the Comparative Institutional Analyses of Capitalist Diversity. Discussion Paper / Max Planck Institute for the Study of Societies. 2006. June.
11. *Boyer R.* How and Why Capitalisms Differ / Max Planck Institute for the Study of Societies, Working Paper. 2005. No. 4.
12. *Shonfield A.* Modern Capitalism. Oxford: Oxford University Press. 1965.
13. *Альбер М.* Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1998.
14. *Hall P., Soskice D.* An Introduction to Varieties of Capitalism // *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage / P. Hall, D. Soskice (eds.)*. Oxford: Oxford University Press. 2001.
15. *Nölke A., Vliegenthart A.* Enlarging the Varieties Capitalism. The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // *World Politics*. 2009. No. 61 (4).
16. *Cernat L.* Institutions and Economic Growth: Which Model of Capitalism for Central and Eastern Europe? // *Journal for Institutional Innovation, Development, and Transition*. 2002. No. 6.
17. *Crowley S.* Explaining Labor Weakness in Postcommunist Europe: Historical Legacies and Comparative Perspective // *East European Politics and Societies*. 2004. No. 3 (August).
18. *McMenamin I.* Varieties of Capitalist Democracy: What Difference Does East-Central Europe Make? // *Journal of Public Policy*. 2004. No. 3 (December).
19. *Lane D.* Emerging Varieties of Capitalism in Former State Socialist Societies // *Competition and Change*. 2005.No. 3 (September).
20. *Palda K.* Czech Privatization and Corporate Governance // *Communist and Postcommunist Studies*. 1997.
21. *Neumann S., Egan M.* Between German and Anglo-Saxon Capitalism: The Czech Financial Markets in Transition // *New Political Economy*. 1999.
22. *Iankova E.* Eastern European Capitalism in the Making. Cambridge: Cambridge University Press. 2002.

23. *King L., Sznajder A.* The State-Led Transition to Liberal Capitalism: Neoliberal, Organizational, World-Systems, and Social Structural Explanations of Poland's Economic Success // *American Journal of Sociology*. 2006.
24. *Mykhnenko V.* Strengths and Weaknesses of «Weak» Coordination: Economic Institutions, Revealed Comparative Advantages, and Socio-Economic Performance of Mixed Market Economies in Poland and Ukraine // *Beyond Varieties of Capitalism: Conflict, Contradictions, and Complementarities in the European Economy* / B. Hancke, M. Rhodes, M. Thatcher (eds). Oxford: Oxford University Press.
25. *Кондратьев В.Б.* Государственный капитализм на марше (www.forum.polismi.ru).
26. *Косалс Л.* Клановый капитализм в России // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 6. (www.magazines.russ.ru).
27. *Крыштановская О.В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1.
28. *Капелюшников Р.И.* Где начало того конца (К вопросу об окончании переходного периода в России) // *Вопросы экономики*. 2001. № 1.
29. *Schneider B.R.* Comparing Capitalisms: Liberal, Coordinated, Network and Hierarchical Varieties / Northwestern University. 2008.
30. *Hall P., Gingerich D.* Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Macroeconomy An Empirical Analysis. Discussion Paper / Max Planck Institute for the : Study of Societies. Cologne. 2004. May.
31. *Hopner M.* What Connects Industrial Relations and Corporate Governance? Explaining Institutional Complementarity // *Socio-Economic Review*. 2005. No. 2 (May).
32. *Глинкина С., Куликова Н.* Трансформация и ее социально- экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе // *Белорусский экономический журнал*. 2013. № 3.
33. *Глинкина С.П., Куликова Н.В.* Заимствование рыночных институтов развитых стран: опыт Центрально- Восточной Европы // *Современная Европа*. 2015. № 4.
34. *Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С.* Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М.; ИЭ РАН. 2014.
35. МТИ. Электронный ресурс. www.mti.hu. 2014. 5 december.
36. *Népszabadság*. 2012. 17 július.
37. *Népszabadság*. 2014. 3 december.
38. Электронный ресурс. www.mti.hu. 2010. 18 október.
39. *Lane Ch.* National Capitalisms and Global Production Networks: An Analysis of Their Interaction in Two Global Industries // *Socio-Economic Review*. 2008. No. 2 (April).
40. Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский союз / под ред. Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2002.
41. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI веков. Том 1. Преобразования / под ред. С.П. Глинкиной и И.И. Орлика. М.: Наука, 2005.
42. Прямые иностранные инвестиции в европейских странах с переходной экономикой/ под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой, Н.В. Фейт. М.: Наука, 2006.

43. Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены ЕС: проблемы адаптации / под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2010.
44. Модели модернизации в российском поясе соседства (структурный и технологический аспекты) / под ред. С.П. Глинкиной. СПб.: Нестор-История, 2012.
45. *Orenstein M.* The Political Economy of Financial Crisis in Central and Eastern Europe: Poland and Hungary compared (www.gwu.edu).
46. *Drahokoupil J.* Globalization and the State in Central and Eastern Europe. The Politics of Foreign Direct Investment. London: Routledge, 2008.
47. *Vliegenthart A., Overbeek H.* Corporate Governance Regulation in East Central Europe: The Role of Transnational Forces // The political Economy of Corporate Governance Regulation / V. Apeldoorn, A. Nölke, H. Overbeek (eds.). London: Routledge, 2007.

Научный доклад

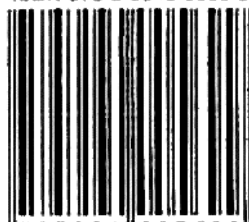
Глинкина С.П.

К вопросу о разнообразии моделей капитализма,
или Что мы построили в результате трансформации

Подписано в печать 01.09.2016.
Зак. № 29. Тир. 40 экз. Объем 1,5 уч.-изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0569-9

9 785994 005699